

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.16

EDN: NYZOXB

Российский буддизм, традиционные ценности и публичная медиасфера¹

Ссылка для цитирования: *Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б.* Российский буддизм, традиционные ценности и публичная медиасфера // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 324–344. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.16; EDN: NYZOXB.

For citation: *Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B.* Russian Buddhism, Traditional Values, and the Public Media Sphere. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 324–344. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.16; EDN: NYZOXB.

SPIN-код: 6672-8953

Островская Елена Александровна¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

e.ostrovskaya@spbu.ru

SPIN-код: 5847-4109

Бадмацыренов Тимур Баторович¹

¹Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Улан-Удэ, Россия

badmatsyrenovtb@bsu.ru

Аннотация. Настоящая статья является продолжением опубликованного ранее исследования стратегий русскоязычной буддийской общины в отношении Интернета и новых медиа² и посвящена анализу общественного вклада буддийских гражданских инициатив. Сложность данной темы заключается в ее новизне и крайне слабой изученности сквозь призму социологических методологий. Меж тем, трансформации российского общества в сферах политики, права, образования и религии настоятельно требуют от социологов как новых теоретических рефлексий о релевантности устоявшихся методологий исследований, так и новых прикладных исследований измененной реальности. Аналитической рамкой исследования стала комбинация концепций постсекулярного общества Юргена

¹ Публикация выполнена за счет гранта РНФ № 24-48-03022 «Традиционный буддизм, постсекулярность и общественно-политические процессы в России и Монголии».

² *Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б.* Буддийские цифровые новаторы: русская Тхеравада и транснациональный Дзогчен // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 3. С. 79–106. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.6; EDN: PKBVEW.

Хабермаса и «организационного субстрата» Джулии Бергер. Прикладная часть исследования включила в себя экспертные интервью по теме гражданских буддийских инициатив периода 1990–220-х гг. и case-study двух буддийских неправительственных организаций – «Фонд содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма» и «Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям». Проведенный анализ позволил выделить идеациональный и партикулярный компоненты организационного субстрата буддийских неправительственных организаций. Идеациональная составляющая организационного субстрата обоих фондов базируется на буддийской регламентации социального действия как нацеленного на обретение благой заслуги и принесения пользы живым существам, очищение сознания. Ключевые векторы гражданской активности российских буддистов-мирян определяются партикуляризмом буддийской модели распространения учения (запрет миссионерства, Учение как Дар проповеди), доктринальной регламентацией социальной деятельности мирян и религиозных профессионалов, партикулярной моделью воспроизводства традиционных ценностей через буддийское образование. Выявленный авторами организационный субстрат позволил авторам изучить основные направления гражданских инициатив российских буддистов. Таковыми, соответственно субстрату, стали создание медианиши традиционного буддизма в публичной сфере российского общества; медиация отношений между традиционным буддизмом и политико-правовой и научно-образовательной подсистемами российского общества. Анализ этапов институционализации буддийских неправительственных организаций показал, что первый этап включил формирование общественной инициативы снизу, второй этап охватил построение долгосрочного диалога с властью по проблеме воспроизводства буддийского образования, а нынешний, третий этап – консолидацию буддийской сангхи в социокультурном и политико-правовом контексте Российской Федерации.

Ключевые слова: постсекулярность, религиозные неправительственные организации, организационный субстрат, российский буддизм, публичная сфера

Актуальная российская общественно-политическая рефлексия о религии официально позиционирует признание вклада христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, являющихся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия в формирование духовно-нравственных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан российского общества. Эта официально позиционируемая рефлексия имеет отчетливое прикладное измерение адресованного российским конфессиям институционального призыва со стороны государства к общественно-политической мобилизации. В официальной риторике этот призыв артикулирован как необходимость в «привлечении институтов гражданского общества, в том числе религиозных организаций, к участию в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей»¹. В контексте происходящего разворота российской политической системы в сторону сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей особое звучание приобретает тема общественного участия и гражданской организационной активности традиционных религий России.

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Буддизм как религиозная традиция глубоко вплетен в социокультурные паттерны российского общества. В течение трех веков российский буддизм накопил богатый опыт соприкосновения с политической и государственной идеологией. В дореволюционной России буддизм был религией «инородческих окраин», воспроизводя паттерн религиозной идеологии вне широкой публичности. Он был ограничен в своем ценностном влиянии теми регионами православной Российской империи, где проживали традиционно буддийские народы. В советский период разрушения религиозных традиций России буддизм сформировал паттерн подпольного воспроизведения традиции как антитезы атеистической, враждебной любым религиозным ценностям идеологии. В постперестроечном российском обществе буддизм оказался в принципиально новой для себя ситуации: религиозная проповедь, обращение и практика были объявлены легитимными, разрешенными на государственном уровне, но традиция передачи религиозного знания, система буддийских статусов, монастырского образования во многом были утрачены. Инициированный государством в 1990-х гг. проект возрождения традиционных религий России обернулся для буддизма долгосрочным процессом его реинституционализации в условиях постсоветского секулярного общества [2].

Анализ научной литературы по теме гражданских инициатив буддистов обнаруживает крайне скудное освещение проблемы. Исследования проводятся вне социологической оптики и посвящены преимущественно осмыслению «гражданских» проявлений «социально вовлеченного» российского буддизма. Нам представляется методологически необоснованным применение религиозно-политически фундированного концепта «социально вовлеченного буддизма» к прикладному изучению гражданских инициатив российских буддистов. Этот концепт мировоззренчески базируется на реформистских реинтерпретациях буддийской доктрины в целом («новая четвертая колесница» Б. Р. Амбедкара и «14 постулатов буддизма» Тхить Нат Ханя) и был разработан в рамках необуддийских политических движений Азии 1950-х гг. Оба этих религиозно-политических деятеля широко известны своими реформами буддийской доктрины и социально-политическими программами переустройства общества. Так, «основными областями приложения сил этого движения стали: 1) проблемы окружающей среды; 2) проблемы расизма и этнокультурного разнообразия; 3) благотворительная и воспитательная работа с заключенными; 4) женское движение и проблемы гендера. Сам концепт «социально вовлеченного буддизма» был результатом процесса приспособления необуддийских движений Азии к постхристианской политической либеральной доктрине [1, с. 187–190]. Основными методологическими препятствиями к ее использованию нам видится здесь, во-первых, некогерентность этого религиозно-политического концепта историко-культурному паттерну российского буддизма. А, во-вторых, сам концепт «социально вовлеченный буддизм» был сформулирован в реалиях постколониального мира и реформаторских буддийских движений Азии.

Прикладное социологическое исследование общественного соучастия российского традиционного буддизма сопряжено с рядом эпистемических затруднений. В привычной для социолога методологической рамке теорий гражданского общества образцы общественного соучастия буддизма принято искать в сфере участия буддийских объединений в дискурсах о правах человека, благотворительности, помощи нуждающимся, экологической проблематике и интерпретации различных сторон их деятельности в аспекте сходства с правовой, экологической, благотворительной активностью христианских НПО. Результатом такого анализа становится произвольная, а зачастую и просто ошибочная трактовка деятельности буддийских организаций в качестве экологической, благотворительной, политической и т. п.

В нашем исследовании мы поставили цель выявить именно гражданские инициативы, вызревшие в среде российских буддистов в период реинституционализации буддизма в 1990-х – 2020-х гг., оформившиеся организационно и институционально в качестве медиаторов между подсистемой российского буддизма и политико-правовой подсистемой российского общества.

Методология и методы исследования

Аналитической рамкой нашего исследования стали концепция постсекулярного Юргена Хабермаса и концепция «организационного субстрата» Джулии Бергер. Концепция «постсекулярности» объемно представлена в отечественной академической дискуссии о специфике постсекулярных обществ [4].

В методологической части наше исследование опиралось на теоретические тезисы Ю. Хабермаса о постсекулярности как новой эпистемической рамке диалога политической и религиозной систем в постсовременном обществе, как отказе от противопоставления секулярного религиозному. Постсекулярность видится ему как движение политической и религиозной систем навстречу друг другу с некоторыми взаимными ожиданиями. Политическая система постсекулярных обществ допускает гражданскую вовлеченность религий, их присутствие в политической, общественной сферах. Это допущение связано с институциональным ожиданием от религии мотивации и умения говорить на языке, доступном для понимания политической подсистемы общества. Более того, Хабермас отмечает, что «политическая культура может даже ожидать от секулярных граждан, что они приложат усилия к тому, чтобы перевести релевантные вклады в общественные дискуссии с религиозного на публично доступный язык». Со своей стороны, политическая система также включается в этот взаимный «учебный процесс» взаимодействия с религиозной системой [5, с. 108].

Выбор в пользу предложенного Дж. Бергер, американской исследовательницей-религиоведом и теологом, подхода к изучению религиозных неправительственных организаций (РНПО) был продиктован двумя соображениями. Первое – именно Бергер ввела научный оборот понятие «религи-

озные гражданские организации» [6]. Большинство современных исследователей обращаются к использованию введенных ею определения понятия РНПО и концепции «организационный субстрат». Второе – концепция «организационного субстрата» отталкивается в своей методологической части от тезисов о постсекулярности Ю. Хабермаса. Бергер подчеркивает, что в оптике бинарной оппозиции «секулярное – религиозное» общественная и гражданская вовлеченность РНПО опознается социологами исключительно по аналогии с деятельностью светских гражданских организаций. Из анализа выпадает смыслообразующая идеациональная составляющая деятельности РНПО, а соответственно вне понимания остаются причины и содержание гражданской активности этого типа организаций. Бергер подчеркивает, что смыслообразующие и эпистемологические измерения многих нехристианских РНПО составляют «новую рациональность – «контррациональность» – по отношению к преобладающей рациональности, связанной с западными либерально-демократическими концепциями мирового порядка и принимаемой как должное в современном понимании предмета» [7, с. 189].

Религиозные неправительственные организации – это формализованные организации, идентичность и миссия которых являются производными от учений конкретных духовных или религиозных традиций [6]. Этот тип религиозных гражданских организаций формируется на добровольной, некоммерческой, независимой основе в целях обеспечения и реализации коллективно артикулируемых идей об общественном благе на национальном и международном уровнях. Важным в определении Бергер нам представляется указание, что РНПО представляют новую организационную форму внутри традиционных религиозных учреждений. Она подчеркивает, что в большинстве европейских стран РНПО постепенно пришли к пониманию необходимости официальной регистрации в качестве НПО, а это требует рефлексии об определении религии в ее организационном измерении. В своих долгосрочных исследованиях РНПО Дж. Бергер пришла к заключению о непригодности стандартного для социологии и антропологии определения религии как набора верований, ритуалов и форм поклонения. Такое определение фиксирует статичный и неизменный пласт, что не позволяет исследовать религию в контексте историко-культурных и общественных трансформаций. Бергер предложила определять религию как генеративную эпистемологическую основу различных способов познания, бытия и действия. Это позволяет изучить организационное и деятельностное выражения определенных религиозных концепций (элементов субстрата) в историческом контексте, увидеть, как они формировали свою гражданскую активность. Таким образом, принципиальная новизна подхода Бергер состоит в изменении ракурса рассмотрения. Бергер делает предметом исследования религиозные гражданские организации, а не гражданский вклад традиционных религиозных организаций. Концепция «организационного субстрата» позволяет сфокусировать исследование на выявлении и анализе мировоззренческих оснований гражданского участия религиозных неправительственных организаций. Методологической

инновацией концепции «организационного субстрата» является сдвиг внимания исследователя на интерпретацию сущности общественно полезной социальной деятельности, обнаруживаемые в субстрате РНПО.

Понятие «субстрат» Бергер привлекает из биологии и химии и применительно к РНПО предлагает определять как фундаментальные концепции и обязательства, которые составляют «ДНК» организации. Одной из ключевых особенностей субстрата является его генеративность. Бергер подчеркивает, что субстрат не содержит формулы или рецепта модели социальной деятельности, приводящей к предопределенному результату. Субстрат позволяет религиозным организациям гибко реагировать на постоянно меняющиеся общественные и материальные контексты. Таким образом, субстрат составляет концептуальную структуру, в которой кодируются логика и модели поведения, характерные для конкретной организации. Генеративное качество субстрата тесно связано с его ориентацией на эволюцию и изменение. Это имеет центральное значение, поскольку отличает субстрат от связанных с ним понятий «парадигма» и «эпистема».

Принципиально важно, что РНПО, которые идентифицируют себя с одной и той же религиозной традицией, могут иметь не идентичные субстраты. И это смещает фокус исследования внимания с привычной академически сконструированной трактовки религиозной доктрины и поисков ее соответствий секулярному постхристианскому образцу либерально-демократической концепции гражданской активности. Бергер предлагает сконцентрироваться на следующих компонентах субстрата: идеациональные основания, транслируемые в диалоге с изменяющимися историческими и культурными контекстами, внутренние структуры мышления и убеждений, обуславливающие деятельность РНПО; партикуляризм конкретной религиозной системы; отчетливо заявляемые базовые религиозные/идеологические обязательства [7, с. 55]. Определение субстрата РНПО предполагает обнаружение источника авторитета, устанавливающего моральные рамки для работы организации [8, с. 34–35]. РНПО могут иметь четыре типа отношений к источнику религиозной институциональной власти – подчиненные, кооперирующие, независимые или оппозиционные [7, с. 98].

Эмпирическая часть исследования проводилась с помощью качественных методов – экспертного интервью и case-study, в июле-октябре 2024 г. и включила два этапа. С целью отбора репрезентативных кейсов буддийских неправительственных гражданских организаций (далее – БНПО) на первом этапе мы провели анализ сайтов, подкастов и влогов (видеоблогов) буддийских организаций направления гелугпа¹. Фокус на гелугпинских организациях продиктован следующими обстоятельствами. Во-первых, именно это направление было исторически закреплено в России и до сих пор превалирует в Бурятии, Калмыкии, Тыве, Забайкальском крае. Во-вторых,

¹ Гелугпа – одна из четырех основных традиций-школ тибето-монгольского буддизма, основанная выдающимся тибетским буддийским ламой Чже Цонкапой (1357–1419). Характеризуется развитой системой буддийских монастырей, монастырского образования, институтами монашеской дисциплины, особым подходом к сочетанию философской подготовки и религиозной практики. Традиционно распространена в России, прежде всего в Республиках Бурятия, Калмыкия, Тыва, Забайкальском крае, Иркутской области, на Алтае.

наши долгосрочные исследования показали, что в медиатизированной публичной сфере современного российского общества буддизм представлен различными направлениями, но при ведущей роли традиционного для России направления школы гелугпа [9; 10]. Прделанный анализ показал, что в медианише российского буддизма гражданская активность представлена по преимуществу медиапрактиками двух организаций – «Фонд содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма» (далее – Фонд) и «Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям» (далее – ФСБОИ).

Первый – Фонд «Сохраним Тибет» – создан в 2004 г. усилиями группы буддийских энтузиастов и сконцентрирован преимущественно на сохранении и популяризации ценностей тибетского буддизма и традиции школы гелугпа в пределах российской культуры, науки и общества¹. Второй – ФСБОИ – создан в 2022 г. совместными усилиями Института стран Азии и Африки МГУ (ИСАА МГУ), Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН), Централизованной религиозной организацией Ассоциация буддийских общин «Арья Сангха» и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации².

Руководствуясь избранной методологической рамкой, в прикладном исследовании мы провели 15 экспертных интервью с руководством обоих Фондов, работающих в них сотрудников, а также поддерживающих их деятельность руководителей буддийских общин. В фокус внимания мы поставили вопросы, позволяющие реконструировать следующие компоненты субстрата РНПО: идеациональные основания гражданской активности в изменяющихся историко-культурных и социально-политических контекстах, внутренние структуры мышления и убеждений; партикуляризм буддизма в аспекте гражданской активности; отчетливо заявляемые религиозные обязательства. Экспертам были предложены вопросы, сгруппированные по четырем тематическим блокам – биографический путь прихода к буддизму; определение эпистемической рамки буддийской гражданской активности и сущности такого рода активности; гражданские практики буддийских РНПО для российского общества; медиа буддийских гражданских активистов.

Формирование субстрата буддийского гражданского участия: идеациональные основания в историко-культурном и политическом контекстах

В публикациях по реинституционализации буддизма в постсоветский период доминирует модель рассмотрения, согласно которой объявленное в 1990-х гг. возрождение буддизма имело своим следствием визиты Его

¹ Подробнее см.: URL: <https://yk.savetibet.ru/about> (дата обращения: 27.10.2024).

² Подробнее см.: Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям. URL: <https://buddhistfund.ru/> (дата обращения: 27.10.2024).

Святейшества Далай-ламы XIV и других буддийских учителей, строительство монастырей и создание учебных заведений, обучение бурятских, калмыцких и тувинских юношей в тибетских буддийских монастырях Индии, распространение буддизма по всем регионам России. Эта в целом верная модель не учитывает содержащийся в буддизме запрет на миссионерство или миссионерство. А в контексте этого доктринального ограничения на распространение буддизма остается абсолютно неочевидным, каким образом традиционный для России буддизм гелугпинского направления в принципе распространился за пределы «своих» этнических субъектов РФ. В равной степени не ясна в такой призма и ситуация с нынешним активным буддийским вторжением в публичные сферы медиа.

Принятие во внимание буддийского канонического запрета на миссионерство представляется нам важным в контексте социологического анализа партикуляризма буддийской традиции в аспекте гражданской активности. Запрет на миссионерство задает общественную и гражданскую рамку распространению буддизма. Согласно каноническим позициям, буддийская проповедь может быть преподнесена только как дар Учения в ответ на просьбу со стороны желающих встать на Путь. Инициатива по распространению доктрины, запрещенная монахам, ложится на плечи мирян. Именно мирянам позволено адресовать свою просьбу о проповеди Учения в конкретном районе, городе или за рубежом в адрес руководства буддийского монастыря или буддийского университета. Отсюда возникают вопросы: кем было инициировано распространение буддизма в России 1990-х – начала 2000-х гг.? Как вообще стали возможными приезды тибетских авторитетных наставников в Россию, перевод на русский язык литературы по доктрине, практике и учениям буддийской школы Гелуг?

В биографическом блоке проведенного авторами экспертного интервью были вопросы об обращении в буддизм и убеждениях, мотивировавших когда-то включиться в буддийскую гражданскую активность. Анализ ответов на эти вопросы позволяет констатировать, что большинство нынешних руководителей и сотрудников обоих фондов и поддерживающих их общин относятся к поколениям родившихся с середины 1950-х до середины 1970-х гг. Их обращение в буддизм пришлось на период реинституционализации буддизма в период 1990–2004 гг. Отличительной чертой того периода было отсутствие каких-либо государственных или политических программ по поддержке буддизма. Насколько можно судить по экспертным интервью, в тот период приезды буддийских авторитетных наставников организовывались исключительно силами групп энтузиастов, буддистов-мирян, желавших воссоздания традиции школы гелуг, традиционной для России. Весьма иллюстративен в этом контексте эпизод интервью с одной из основательниц Фонда, в котором отчетливо разъясняются историко-культурный контекст и идеациональные составляющие общественной буддийской инициативы «снизу»:

«... мы работаем уже четверть века. Вначале мы не работали как зарегистрированный Фонд, это произошло позже. Мы работали как группа заинтересованных людей, которые поддерживали туры тибет-

ских монахов тантрического монастыря Гьюдмед. В течение 10 лет мы занимались исключительно этим. Я родилась в Москве в 1969 г. Это важно <...> если вы будете говорить, скажем, с буддистом нового поколения, кто сегодня приходит в буддизм, там будет другая история. У меня всегда присутствовало желание сделать что-то для других людей, мне казалось, что это правильное использование жизни. Отсюда все наши проекты. Думаю, что все сотрудники Фонда примерно так же думают. Мы в буддизме говорим, что то, что происходит с нами сегодня – это следствие накопленных прежде причин. Если верить в предыдущие рождения, прежде были причины для того, чтобы ты сегодня проводил такую деятельность. Не каждому уже выпадает такая возможность работать с ведущими учителями, должна быть какая-то причина. Видимо, какие-то обещания были даны в прошлой жизни. И эта дорога меня вывела к буддийским учителям Его Святейшества Далай-ламы, а потом и собственно к Далай-ламе» (рук-во Ф-да «Сохраним Тибет», октябрь 2024).

В приведенной цитате респондента отчетливо артикулированы идеациональные составляющие организационного субстрата Фонда – идеи драгоценности человеческого рождения и необходимости ее правильного использования во благо живых существ, закона кармы и заслуг прежнего благого рождения, имевшего своим следствием встречу с великими учителями современности. Насколько можно судить по этому интервью, руководствуясь этими буддийскими установками, группа буддистов-единомышленников добровольно приняла на себя религиозное обязательство способствовать распространению буддийского учения в России. Силами этой группы энтузиастов осуществлялась работа по приглашению крупных буддийских учителей, обеспечение проповеди от самого Далай-ламы XIV в регионах, поездки групп российских буддистов из Бурятии, Калмыкии, Тывы и др. в Индию с целью получения посвящений и буддийских наставлений от Его Святейшества Далай-ламы.

Важно, что в условиях современности распространение и общественное принятие той или иной религии напрямую связано с присутствием информации и дискурса о ней в публичной сфере. Вне прицельной деятельности по созданию буддийского контента в СМИ и медиасфере буддизм едва ли стал бы понятен широкой российской общественности в 1990–2000-х гг. Медиасфера тех лет была сконцентрирована преимущественно на осмыслении, презентации и дискурсе о возрождении православия, религии большинства российского общества. Гражданская инициатива основоположников Фонда была направлена на создание медийного профиля российского буддизма, адресованного широкой общественности. Согласно интервью, значимым компонентом этого направления буддийской гражданской активности стало включение буддизма в публичную сферу российского общества.

Дефицит информации о российском буддизме в публичной сфере мог быть компенсирован только прицельными добровольными вложениями сил заинтересованных энтузиастов. Усилиями единомышленников группы «Сохраним Тибет» был создан одноименный сайт с новостями о тибетском

буддизме, о событиях буддийской реинституционализации в Калмыкии, Бурятии, Тыве. Выступая организаторами визитов Далай-ламы и других буддийских учителей в Россию, они наладили долгосрочные контакты со светскими СМИ (РИА Новости) и разработали регламент презентации в них информации. Таким образом, буддизм и его российские профили оказались внесенными в сферу медиа.

Насколько можно судить по анализу интервью и нашим предшествующим исследованиям этой темы [3], применительно к российскому буддизму следует говорить об очень постепенном, постадийном процессе его медиатизации с 1990-х гг. и вплоть до настоящего периода. В этом процессе совершенно отчетливо можно выделить три стадии. Первая – 1990–2009 гг. – включил появление первых новостных лент о буддизме, буддийских благотворительных издательских проектов, публикацию и внедрение в публичную сферу книг о буддизме на русском языке и создание буддийских бумажных и визуальных медиа (газеты и журналы конкретных российских общин и объединений). Вторая – 2005–2015 гг. – это возникновение форумов, улучшение сайтов дацанов, хурулов, создание пабликов и сообществ в социальных сетях. Третья – 2019–2024 гг. связана с формированием медиамножества буддийских цифровых медиа, т. е. буддийских мобильных приложений, программ о буддизме региональных ТВ компаний, личных блогов и влогов буддийских российских наставников на цифровых платформах. В данном контексте важно, что вхождение буддизма в широкую сферу российской публичности инициировано и неизменно поддерживается именно книжной продукцией о буддизме и новостными буддийскими и секулярными медиа.

В начальном периоде возрождения российского буддизма было крайне мало информации о буддизме, доступной широкой публичности. И это серьезная проблема, с которой столкнулись как буддийские регионы постперестроечной России, так и шире – все те российские граждане, кто хотел практиковать буддизм. Формирование буддийских медиа, их доступность для широкой публичности были инициированы и превращены в регулярную публикационную активность буддистами-мирянами Москвы и Санкт-Петербурга. Так, в период начала 1990-х гг. и по 2009 г. появились первые издательства, специализирующиеся на публикации и распространении буддийских изданий – Нартанг, Уддияна, Ориенталия, издательство «Фонда «Сохраним Тибет»», российская ветка издательства «Шанг-Шунг» и др.¹ Большинство из них возникли благодаря инициативе «снизу» буддийских групп, состоявших из востоковедов, филологов, философов, владевших знаниями по переводу с санскрита, тибетского и других восточных языков и книгоизданию. Активностью российских буддистов-мирян, родившихся и прошедших социализацию вне этнических буддийских регионов, проживавших в крупных российских городах, продвигались также книжные серии по буддизму в таких круп-

¹ Подробный список буддийских издательств с аннотацией опубликованных на русском языке книг по буддизму см.: <https://buddhist-translations.ru/publishers/> (дата обращения: 27.10.2024).

ных издательствах, известных широкой читательской аудиторией, как «Открытый мир»¹ и «София». Так, издательством «София» была выпущена первая русскоязычная серия, включающая книги Далай-ламы XIV и издания о его биографии и жизнедеятельности.

Важно подчеркнуть, что источником авторитета, устанавливающего идеациональные рамки для работы российских БНПО выступала традиция школы гелугпа и личность Его Святейшества Далай-ламы XIV. В большинстве интервью упоминается, что и обращение в буддизм, и добровольное принятие на себя религиозных обязательств по принесению пользы обществу и живым существам были опосредованы встречей с Далай-ламой. Здесь будет уместна цитата-иллюстрация из интервью с одним из руководителей «Фонда содействия буддийскому образованию и буддийским исследованиям», стоявшим также у истоков проекта «Открытый мир», долгие годы бывшим в руководстве издательства «София». В интервью у нас были вопросы о том, какими мотивами руководствовались респонденты в своей гражданской активности по продвижению буддизма, насколько сочетается буддийская доктрина и активное вовлечение в общественную жизнь, в публичную сферу:

«Я стараюсь издавать те книги, которые не противоречили моим установкам, не издаю и не занимаюсь книгами, которые противоречат моим определениям – это первое. Второе, я все-таки стараюсь, чтобы побольше выходило книг, которые действительно несут Дхарму и каким-то образом помогают людям для себя это открыть. Ну и третье, те деньги, которые на этих книгах можно заработать, чтобы они тоже были вложены в какие-то правильные благие дела. <...> буддизм вообще далек от каких-то жестких догм в области повседневной жизни. Да, Будда считал, что путь монаха, он только ведет к освобождению, все остальное, ну, в некоем ортодоксальном буддизме, только подготовка к этому пути. Я не монах, не принимал монашеских обетов и иду по пути мирянина. Путь мирянина, с моей точки зрения, – это прежде всего накопление заслуг благих, если уж так говорить. Они как раз накапливаются в социальной активности, в действии. Можно, конечно, в пещере накапливать заслуги, да, постижением своим, но раз мы здесь, в этой стране, и в этом мире, и в это время, то, наверное, надо действовать в обстановке, исходя из своего буддийского мировоззрения» (рук-во Ф-да содействия буддийскому образованию и исследованиям, сентябрь 2024).

В приведенной цитате содержится определение одной из ключевых ценностных составляющих социальной и гражданской активности буддиста-мирянина – «накопление благих заслуг», улучшающих кармическое следствие. Здесь важно понимать, что концепция «благих заслуг» в буд-

¹ В серии было издано более 200 работ по теории и практике буддизма, йоге, философским и духовным традициям, личностному росту и здоровому образу жизни. Основателем серии был реализован также ряд буддийских издательских проектов в сотрудничестве с издательскими домами «Эксмо», «Рипол-Классик» и «Манн, Иванов, Фербер». Подробнее см.: <https://buddhist-translations.ru/translators/82-alexander-narinyani.html> (дата обращения: 27.10.2024).

дизме составляет ядро ценностно-нормативных ориентиров социальной деятельности мирянина. Благие заслуги, улучшающие кармическое следствие для индивида, – это благие действия, адресованные «трем драгоценностям» – Будде, Дхарме, Сангхе. В число таких заслуг входят практики накопления мудрости (изучение доктрины и практики буддизма), даяния (пожертвования), включающая мирскую активность по содействию укреплению и распространению Дхармы (буддийского Учения), материальному и практическому участию в строительстве монастырей и буддийских ступ, поддержанию жизни буддийской монашеской и монастырской общины и др. Таким образом, упоминаемые в цитате деятельность по созданию и реализации издательского проекта перевода и публикации книг Далай-ламы XIV на русском языке, проекта «Открытый мир» по организации визитов авторитетнейших буддийских тибетских наставников осмыслились как социальная активность по распространению и укреплению Дхармы в России, социальная деятельность, адресованная российскому обществу.

Подводя промежуточный итог анализу субстрата активностей российских БНПО, следует отметить, что развернувшаяся в 1990–2020-х гг. гражданская активность буддистов-мирян по распространению буддизма стала значимым подспорьем возрождению традиционного буддизма в исторических регионах его распространения в России. И в Бурятии, и в Калмыкии, и в Туве ключевыми были проблемы формирования сангхи (общины) монахов, наставников и мирян, построения храмов, монастырей, создания системы буддийского образования. Благодаря сочетанию усилий буддийского духовенства и общественной активности «снизу» – организации учений Далай-ламы XIV и приглашению видных буддийских наставников в Россию, созданию медийной инфраструктуры продвижения буддийского знания в публичную сферу – в течение трех десятилетий, последующих после перестройки, буддизм укреплялся на своих исторических территориях Бурятии, Калмыкии и Тувы, а также обрел последователей по всей России, обогатился новыми ветвями учительских традиций.

Российская постсекулярность: «обучающие процессы» в контексте взаимодействия БНПО и российской политической системы

В контексте нашего исследования буддийского общественного соучастия мы обратили внимание, что большинство буддийских организаций, деятельность которых нацелена именно на гражданский сектор, предпочитают регистрироваться в качестве фондов. Мы адресовали вопрос о цели юридической регистрации и о финансировании напрямую руководителям фондов. Анализ интервью позволяет утверждать, что применительно к российским буддийским НПО официальная (государственная) регистрация была необходима в контексте решения практических задач распространения, закрепления и воспроизводства традиционного буддизма в россий-

ском постатеистическом обществе. Юридический статус «фонд» позволяет легитимно принимать пожертвования и направлять на заявленную уставную деятельность – сохранение и развитие ценностей и знаний тибетского буддизма, исторически закрепленного в России. В интервью с руководителем Фонда в ответе на вопрос о направлениях общественно полезной активности было отмечено, что в течение всего периода своего существования организация ориентировалась на духовное руководство Далай-ламы и его ключевые социальные проекты. Эволюция организационного субстрата Фонда разворачивалась сообразно изменениям историко-культурного контекста реинституционализации буддизма в России в истекшие 30 лет. Так, в 1990–2000-х гг. гражданский вклад Фонда состоял в организационном опосредовании процесса возрождения буддизма в России – создание медийной новостной ниши о буддизме в публичной сфере, обеспечение визитов буддийских наставников, помощи буддийским монастырям в формировании собственной медийной рамки, и т. д. С 2009–2012 гг. Фонд взял курс на создание цифрового контента о традиционном буддизме – это разнообразные интервью с буддийскими учителями, подкасты с трансляциями учительских наставлений, документальные фильмы о выдающихся буддийских ученых, о встречах Калмыкии, Тувы, Бурятии с Далай-ламой и т. д. С 2018 г. добавились два новых тематических направления гражданской активности Фонда. Первое – организация совместных конференций и исследовательских проектов отечественных ученых нейрофизиологов, лингвистов, физиков и крупных буддийских ученых. Второе – проект по переводу буддийского канонического наследия на русский язык.

В большинстве интервью констатировалось, что для буддизма в целом не характерна установка на социальное служение или активное вторжение в социум с целью его улучшения. В данном контексте иллюстративной будет цитата из интервью с руководителем Фонда:

«Мне сразу приходят на ум слова Далай-ламы о том, что буддистам, в широком смысле, действительно есть чему поучиться у христиан, особенно в плане развернутости к обществу, служения обществу. Конечно, такое христианское служение связано с миссионерством, чего в буддизме нет, в буддизме миссионерство практически запрещено. Но Далай-лама часто говорит, что хорошо бы брать пример с христиан, потому что в буддизме нет такого акцента на социальную деятельность. Мне кажется, христианство сосредоточено именно на социальном служении, тогда как буддизм больше направлен на трансформацию личности, на помощь человеку в его пути к внутреннему преобразованию» (рук-во Ф-да «Сохраним Тибет», октябрь 2024).

В приведенной цитате содержится рефлексия о партикулярности буддийского паттерна включенности в общественно полезную деятельность. В отличие от христианства, буддизм не преследует цели социального служения, идеациональной подоплекой которого выступает миссионерство, внедрение христианских ценностей в ткань социальной жизни. В основе буддийской гражданской активности лежат установки бодхичитты, устремления к состоянию Пробуждения на благо всех живых существ.

Способами реализации этих установок выступают буддийское просвещение, укрепление буддийского образования, помощь сангхе со стороны мирян и т. д. Здесь важно, на наш взгляд, проводить четкое различие между регистрацией РНПО в целях миссионирования и регистрацией в целях решения практических задач по воспроизводству исторически закрепленной религиозной традиции.

Рассмотренные выше аспекты гражданской активности Фонда могут быть рассмотрены как примеры «обучающих процессов», в которых буддийские ученые принимают на себя роль «интерпретирующих сообществ», действующих в публичной сфере науки – конференции, исследовательские проекты и т. п. В равной степени и медиапродукция о традиционном буддизме, создаваемая Фондом, формирует общественное мнение о буддизме.

Анализ интервью с респондентами, вовлеченными в гражданскую активность «Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям», демонстрирует очень интересную вариацию организационного субстрата. В качестве ведущих идеациональных оснований общественно полезной деятельности в интервью также подчеркивались концепции накопления благих заслуг и бодхичитты, добровольно принятые еще в начальном этапе инициации в буддизм религиозные обязательства мирянина по поддержке укрепления российской буддийской сангхи. Но есть значимые отличия. Так, зарегистрированный в 2022 г. ФСБОИ был создан при участии научных и образовательных российских институций и финансируется из средств Министерства науки и высшего образования РФ. Признавая в качестве своего духовного авторитета Далай-ламу XIV, руководители Фонда и группа его единомышленников изначально поставили цель создания российской модели буддийского высшего образования.

«Буддизм является одной из четырех традиционных религий России. И долгое время это была единственная из традиционных конфессий, у которой не было своего легитимного, признанного государством образовательного процесса, системы образования. Буддизм в этом отношении единственная конфессия, у которой есть высшие учебные заведения на территории России – Иволгинский университет, Агинская Академия, но их дипломы не признаются, они не являются дипломами государственного образца. И человек, закончивший шестилетнее обучение в Иволгинском университете, перед государством все равно человек просто со средним образованием. Да, соответственно, с точки зрения того, что он поедет в дацан и будет там работать ламой, это не является каким-либо препятствием. Но с точки зрения его дальнейшего роста <...> если он захочет поступить на бакалавриат, или в аспирантуру, или даже если он захочет пройти ДПО, то у нас даже дополнительное образование проходят люди с высшим образованием. Поэтому этот вопрос существовал. Он решался тем способом, что те люди, которые хотели действительно получить глубокое образование, они ехали в Индию или Монголию, в основном в Индию, в Дрепунг Гоманг. В свое время, в 1990-е, обучалось до 500–600 человек из России. Куда они дальше исчезли, я не знаю. Но сейчас их всего несколько человек» (рук-во Ф-да содействия буддийскому образованию и исследованиям, сентябрь 2024).

В приведенной цитате обсуждается проблема, сложность которой была осознана среди российских буддистов лишь в постсоветский период. Речь идет о проблеме воспроизводства кадров религиозных профессионалов – буддийских специалистов, получивших традиционное религиозное образование в России. Система традиционного буддийского образования, полностью разрушенная в буддийских регионах России в советский период, требовала не одно десятилетие для своего запуска заново. Она была воссоздана в буддийских духовных образовательных учреждениях Бурятии, но фактически не была включена в систему образования России. Найденное на заре 1990-х гг. решение – отсылка буддийской молодежи на обучение в Монголию и Индию – на долгой дистанции реинституционализации буддизма оказалось проблематичным. В приведенной цитате дано подробное разъяснение правовых, социокультурных и политических составляющих комплексности этой проблемы.

Лишь часть поехавших на обучение студентов вернулись обратно в российские буддийские учреждения – кто-то остался доучиваться (традиционный образовательный цикл составляет 16–20 лет), некоторые, приняв монашескую стезю в отрочестве, позже отказались от монашества. Применительно к буддийским профессионалам, вернувшимся на родину и заступившим на религиозное служение со всей жесткостью встал вопрос о правовой легитимности полученных за рубежом дипломов о высшем религиозном образовании, религиозных ученых степенях. В измерениях российских образовательной и правовой систем их дипломы оказались не конвертируемы и не легитимны.

Согласно интервью с учредителями ФСБОИ, инициирован этот диалог был общественной инициативой снизу, сформировавшейся еще в 2010-х гг. и полностью развернувшейся лишь после многочисленных переговоров на разных уровнях этих систем. В интервью с руководителями «Фонда содействия буддийскому образованию и буддийским исследованиям» совершенно отчетливо артикулировалось, что рефлексия об этой проблеме в среде буддийской гражданской инициативы привела к пониманию необходимости выстраивания долгосрочного конструктивного диалога с представителями политической, правовой и образовательной систем российского общества.

Из интервью с непосредственными участниками проекта по формированию российской системы подготовки буддийских кадров можно заключить, что гражданская инициатива здесь состояла в опосредовании взаимных «обучающих процессов» представителей буддийской подсистемы, образовательной, юридической и политической подсистем российского общества. Буддийская гражданская инициатива была нацелена на привлечение внимания к острой проблеме необходимости реорганизации российской системы буддийского религиозного образования, ее включения в российскую систему государственного образования. Согласно интервью, результатом «протяженного периода переговоров с властями» стало создание курсов дополнительной профессиональной подготовки для буддийских профессионалов. Таким образом, ответом политической

и образовательной систем на гражданский запрос явились состоявшиеся три потока курсов ДПО на базе РУДН. Они имели своей целью формирование у буддийских российских профессионалов правовой и политической компетентности для выстраивания диалога с властями.

В контекст нашего анализа принципиально включить тот факт, что в 2021 г. были приняты изменения в Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях»¹ о необходимости правовой легитимации деятельности «священнослужителей и составляющих религиозный персонал религиозных организаций лиц», получивших образование в зарубежных духовных образовательных учреждениях. Религиозные профессионалы, которые впервые заступают на должности в структуре религиозных объединений, должны пройти обучение по программам дополнительного профессионального образования для «священников и религиозного персонала» в сфере основ государственно-конфессиональных отношений в РФ. Легитимным с правовой точки зрения будет диплом о ДПО, полученном в образовательных учреждениях, имеющих государственную аккредитацию по данному образовательному профилю и аттестацию в «руководящем органе (центре) зарегистрированной на территории РФ централизованной религиозной организации соответствующей конфессиональной принадлежности». Второе – религиозные учебные заведения, имеющие государственную аккредитацию, проводят аттестацию тех «священников и религиозный персонала», работающих в российских религиозных учреждениях, которые получили свои образовательные дипломы в зарубежных образовательных заведениях.

Осмысление указанных выше изменений в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» в среде буддийской общественной инициативы снизу привело к отчетливому пониманию политического измерения уже имевшей место рефлексии о проблеме воспроизводства и обучения буддийских кадров в России. Анализ материалов интервью с руководством Фонда позволяет говорить, что создание ФСБОИ стало результатом этой многолетней гражданской инициативы, нацеленной на формирование буддийской образовательной системы, приемлемой в правовом и политическом измерениях российского государства.

«По итогам ДПО, когда был предоставлен отчет, в котором было предложено создать такой фонд, чтобы эта работа была не от случая к случаю, как какие-то гранты или отдельные мероприятия, а была систематизирована. Дальше состоялись определенного рода переговоры с людьми из министерств, с администрацией, с духовенством. И, в общем, было решение, президентом Российской Федерации в ноябре 2021 г. был подписан указ о создании ДПО. И самое главное доложили о проведении этих курсов, их успешности, а также об обратной связи тех, кто принял участие. Они сказали, что да, это очень нужно, это очень важно и существует

¹ Полное название закона – Федеральный закон от 05.04.2021 № 68-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»». URL: <http://actual.pravo.gov.ru/content/content.html#pnun=0001202104050017> (дата обращения: 30.10.2024).

достаточно большое количество людей, священнослужителей прежде всего, которые готовы были это пройти. <...> Решение о его создании было поддержано Администрацией президента Российской Федерации, Буддистской Традиционной Сангхой Российской Федерации, ну, и Министерством науки и высшего образования. Фонд государственный, не общественный. Деньги, которые Фонд получает, это деньги Министерства науки и высшего образования. Соответственно, здесь логика следующая. В Российской Федерации существует традиционная религия и ее последователи, которые сейчас лишены возможности получать высшее образование по данному направлению именно в Российской Федерации. Фонд работает для того, чтобы предоставить им такую возможность. Государство при этом предполагает, что люди, закончившие высшее образование на территории Российской Федерации, в дальнейшем начинают работать со своим приходом, со своей паствой.

Первое направление – это открытие в светских вузах программ по буддизму, по буддологии. В двух вузах в Российской Федерации – Бурятском госуниверситете и Калмыцком госуниверситете в 2024 г. проведен набор в бакалавриат на специальности, связанные с буддизмом. В Бурятском госуниверситете – это специалитет по направлению «буддийская философия». Это позволило в Иволгинском буддийском университете совместно с БГУ открыть представительство кафедры философии. И те монахи, 12 студентов-хувараков проходят обучение на этой кафедре. Второе направление – это создание высшего учебного заведения для буддийского религиозного образования, но с легитимизацией его с точки зрения образовательной системы в Российской Федерации, подобно православным Духовным академиям в Сергиевом Посаде и Санкт-Петербурге. То есть Буддийской Академии, у которой есть лицензия, есть аккредитация, есть установленные и одобренные Министерством высшего образования программы обучения. Третье направление – работа с вузами, академическими институтами, с научным академическим сообществом, т. е. поддержка статей, исследований, публикации. Мы понимаем, что без создания серьезной научной буддологической школы невозможно создать образовательные программы, то есть нужны преподаватели, светские преподаватели, нужны исследователи, нужны переводчики квалифицированные» (рук-во Ф-да содействия буддийскому образованию и исследованиям, сентябрь 2024).

В приведенной цитате отчетливо прочерчивается долгий путь от первых попыток гражданской инициативы буддистов-мирян привлечь внимание к проблематике воспроизведения традиционного буддийского образования в реалиях современного российского общества, через создание на базе РУДН ДПО для буддийских профессионалов, через переговоры представителей гражданской инициативы с буддийскими профессионалами в регионах и вплоть до институционального принятия этой проблемы и официального политического решения о создании Фонда. Иными словами, ФСБОИ принял на себя роль «интерпретирующего сообщества», действующего в публичной сфере российского общества в качестве медиатора

между традиционным для России направлением буддизма и политической, правовой и образовательной системами. И деятельность эта разворачивается по трем основным направлениям – создание централизованной, санкционированной государством системы буддийского религиозного образования в РФ; учреждение буддийского вуза нового образца, имеющего лицензию и аккредитацию для полного образовательного цикла – специалитет и аспирантура; возвращение российской академической буддологии.

Заключение

В современном российском обществе буддизм воспроизводится в многоголосии школьных традиций и культурно-этнических пространств. В течение трех истекших десятилетий буддизм был реинституционализирован в России и в своей этнически окрашенной региональной версии буддийских регионов (Бурятия, Калмыкии и Тувы), и в современном формате религиозной традиции мультиэтнической конверсии, воспроизводимой за пределами этих регионов. Как показало проведенное авторами исследование, значимый вклад в процесс реинституционализации российского буддизма внесли гражданские инициативы отечественных буддийских НПО. В социокультурных реалиях периода «возрождения буддизма» именно буддийская общественная инициатива «снизу» опосредовала решение политико-правовых и организационных вопросов о визитах крупных буддийских учителей в российские буддийские регионы и крупные российские города, деятельности по переводу буддийских текстов, получения Прибежища (т. е. религиозного обращения, вступления в буддийскую общину – Сангху), формирования у широкой общественности знаний по основам буддийского учения. Силами буддистов-энтузиастов была осуществлена масштабная медиатизация российского буддизма и в аспекте создания бумажных и электронных медиа, и в его первичной цифровизации.

Апробированная авторами методологическая комбинация концепции постсекулярности и концепции «организационного субстрата» позволила выявить особый тип религиозно фундированных гражданских организаций – буддийских некоммерческих неправительственных организаций. Основатели и руководители Фонда «Сохраним Тибет» и «Фонда содействию буддийскому образованию и буддийским исследованиям» имеют непосредственную принадлежность к среде буддийской инициативы снизу, сформировавшейся в 1990–2000-х гг. Идеациональная составляющая организационного субстрата обоих фондов базируется на буддийской регламентации социальной деятельности. Ключевые векторы гражданской активности буддистов-мирян определяются партикуляризмом буддизма в аспекте модели распространения учения, обязательности воспроизводства традиционных ценностей через буддийское образование и регламентацию деятельности мирян и религиозных профессионалов. Фондом «Сохраним Тибет» сформированы три направления гражданской активности. Это, во-первых, создание медианиши традиционного буддизма в публичной сфере россий-

ского общества. Во-вторых, Фонд принял на себя роль медиатора между традиционным буддизмом и научной подсистемой российского общества. В-третьих, усилиями фонда постепенно отстраивается модель по переводу текстов буддийского канона на русский язык совместными усилиями отечественных буддологов, буддистов и российским буддийскими монахами, получившими долгосрочное традиционное образование.

Анализ этапов формирования ФСБОИ показал, что здесь мы соприкасаемся с классической моделью формирования сначала общественной инициативы снизу по интеграции усилий ученых, видных научных деятелей, верующих-буддистов, глав буддийских объединений по решению проблемы воспроизводства буддийских образовательных и профессиональных кадров в России. Следующим долгосрочным этапом было формирование диалога с властью по проблеме воспроизводства буддийской сангхи в социокультурных, политических и правовых контекстах РФ. Учреждение ФСБОИ стало по сути дела фиксацией результата этого долгосрочного диалога и принятия этой проблеме на институциональном уровне российских политической, правовой и образовательной систем.

Результаты представленного в настоящей статье, равно как и в предыдущей, исследования можно интерпретировать как свидетельство трансформации российского общества и государства, движения в сторону постсекулярного формата взаимодействия общественно-политических институтов и религии. Постсекулярность как методологическая рамка открывает широкие перспективы в социологическом изучении процессов изменения роли религии в обществе, включая гражданские инициативы религиозных сообществ и формирование гибридной публичной медиасферы.

Библиографический список

1. Нестеркин С. П. «Социально вовлеченный буддизм» на Западе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 4А. С. 187–193. EDN: YLJUGQ
2. Островская Е. А. Российский буддизм в оправе гражданского общества // Двадцать лет религиозной свободы в России / Под ред. А. В. Малашенко, С. Б. Филатова. М.: РОССПЭН, 2009. С. 294–328.
3. Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б. Стратегии буддийских сообществ в новых медиа // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 109–119. DOI: 10.31857/S013216250019277-7; EDN: GPPGQB.
4. Узланер Д. А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Ин-т Гайдара, 2020. 416 с.
5. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / Пер. с нем. М. Б. Скуратова. М.: Весь мир, 2011. 336 с.
6. Berger J. Religious Nongovernmental Organizations: An Exploratory Analysis // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 15–40. DOI: 10.1023/A:1022988804887.

7. Berger J. Divine Polity: The Baha'i International Community and the United Nations. PhD thesis. University of Kent, 2018.

8. Berger J. Rethinking Religion and Politics in a Plural World. The Bahá'í International Community and the United Nations. N. Y.: Bloomsbury Publishing, 2021. 224 p.

9. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. et al. Russian-Speaking Digital Buddhism: Neither Cyber, nor Sangha // Religions. 2021. No. 12. P. 449. DOI: 10.3390/rel12060449; EDN: HKQYDO.

10. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. Monks, Blogs and Three Media Cases: Russian-Speaking Buddhist Communities in the Era of Social Media // Religions 2024. No. 15. P. 1186. DOI: 10.3390/rel15101186; EDN: BKZGQV.

Получено редакцией: 02.09.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Островская Елена Александровна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории социологии

Бадмацыренов Тимур Баторович, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и социологии; директор Центра социально-политических исследований «Альтернатива»

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.16

Russian Buddhism, Traditional Values and the Public Media Sphere¹

Elena A. Ostrovskaya

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

e.ostrovskaya@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-0664-1514

Timur B. Badmatsyrenov

Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia

badmatsyrenovtb@bsu.ru

ORCID: 0000-0002-6363-9464

For citation: Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B. Russian Buddhism, Traditional Values, and the Public Media Sphere. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 324–344. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.16; EDN: NYZQXB.

Abstract. This article is a continuation of the previously published study of the strategies of the Russian-speaking Buddhist community in relation to the Internet and new media and is devoted to the analysis of the public contribution of Buddhist civil initiatives. The complexity of this topic lies in its novelty and extremely weak study through the prism of sociological methodologies. Meanwhile, the transformations of Russian society in the spheres of politics, law, education and religion urgently require from sociologists both new theoretical reflections on the relevance of established research methodologies and new applied studies of the changed reality. The analytical framework of the study was a combination of the concepts of postsecular society by Jürgen Habermas and the “organisational substrate” by Julia Berger. The applied part of the study included expert interviews on the topic of civil Buddhist initiatives in the period of the 1990s-220s. and a case study of two Buddhist non-governmental organisations – the Foundation for the Preservation of Cultural and Philosophical Traditions of Tibetan Buddhism and the Foundation for

¹ **Acknowledgements.** The study was funded by RSF grant no. 24-48-03022 “Traditional Buddhism, Postsecularity and Modern Socio-Political Processes in Russia and Mongolia”.

the Promotion of Buddhist Education and Research. The conducted analysis allowed us to identify the ideational and particular components of the organisational substrate of Buddhist non-governmental organisations. The ideational component of the organisational substrate of both funds is based on the Buddhist regulation of social action as aimed at gaining good merit and bringing benefit to living beings, purification of consciousness. The key vectors of civic activity of Russian lay Buddhists are determined by the particularism of the Buddhist model of dissemination of the teaching (prohibition of missionary work, the Teaching as the Gift of preaching), doctrinal regulation of social activity of lay people and religious professionals, and a civilian model of reproduction of traditional values through Buddhist education. The organisational substrate identified by the authors allowed them to study the main areas of civic initiatives of Russian Buddhists. These, in accordance with the substrate, were the creation of a media niche of traditional Buddhism in the public sphere of Russian society; mediation of relations between traditional Buddhism and the political-legal and scientific-educational subsystems of Russian society. An analysis of the stages of institutionalisation of Buddhist non-governmental organisations showed that the first stage included the formation of a public initiative from below, the second stage covered the construction of a long-term dialogue with the authorities on the problem of reproduction of Buddhist education, and the current, third stage – the consolidation of the Buddhist sangha in the socio-cultural and political-legal context of the Russian Federation.

Keywords: postsecularism, religious nongovernmental organizations, organizational substrate, Russian Buddhism, public sphere

Refereces

1. Nesterkin S. P. Socially engaged Buddhism in the West. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke*, 2017: 6(4A): 187–193 (in Russ.). EDN: YLJUGQ.
2. Ostrovskaya E. A. Russian Buddhism in the Framework of Civil Society. In *Twenty Years of Religious Freedom in Russia*. Ed. by A. V. Malashenko, S. B. Filatov. Moscow, ROSSPEN, 2009: 294–328 (in Russ.).
3. Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B. Russian Digital Buddhism: Strategies of Buddhist Communities in New Media. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 7: 109–119 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250019277-7; EDN: GPPGQB.
4. Uzlaner D. A. Post-secular turn. How to think about religion in the 21st century. Moscow, In-t Gaidara, 2020: 416 (in Russ.).
5. Habermas J. *Zwischen Naturalismus und Religion*. Philosophische Aufsätze. Transl. from Germ. by M. B. Skuratova. Moscow, Ves' mir, 2011: 336 (in Russ.).
6. Berger J. Religious Nongovernmental Organizations: An Exploratory Analysis. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2003: 14: 1: 15–40. DOI: 10.1023/A:1022988804887.
7. Berger J. *Divine Polity: The Baha'i International Community and the United Nations*. PhD thesis. University of Kent, 2018.
8. Berger J. *Rethinking Religion and Politics in a Plural World*. The Bahá'í International Community and the United Nations. New York, Bloomsbury Publishing, 2021: 224.
9. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. et al. Russian-Speaking Digital Buddhism: Neither Cyber, nor Sangha. *Religions*, 2021: 12: 449. DOI: 10.3390/rel12060449; EDN: HKQYDO.
10. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. Monks, Blogs and Three Media Cases: Russian-Speaking Buddhist Communities in the Era of Social Media. *Religions*, 2024: 15: 1186. DOI: 10.3390/rel15101186; EDN: BKZGQV

The article was submitted on: September 02, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Ostrovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of Sociology

Timur B. Badmatsyrenov, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology; Director of the Center for Socio-Political Research “Alternative”